

По данным на 1859 г., в Арзамасском уезде свои ярмарки и базы имели следующие селения: сёла Чуфарово, Смирново, Собакино, Измайлово, Выездная слобода, Вад.

Во второй половине XIX в. грузопоток товаров, следующих через Арзамас, постепенно уменьшается. Это было связано с тем, что в 1843 г. учреждено «Высочайше утверждённое общество пароходства на Волге», а в 1862 г. открылась Московско-Нижегородская железная дорога. Позднее железнодорожные пути были проложены до Саратова, Сызрани и Оренбурга. Речные и железнодорожные пути для перевозки товаров на Нижегородскую ярмарку обошли Арзамас, иссякли бесчисленные обозы на бойких прежде трактах, что повлекло за собой снижение торговых оборотов и доходов, исчезновение некоторых промыслов и ремёсел, сокращение числа постоянных дворов и лавок.

Список литературы

1. Комягин Ю. Полтора века назад // Арзамасская правда. 1989. 15 июля; ЦАНО. Ф. 2, оп. 4, д. 897; Арзамас // Нижегородские губернские ведомости. 1847. 6 августа.
2. Опись делам Нижегородского наместничества... // Действия НГУАК. Нижний Новгород, 1898. Т. 3.
3. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1926. Т. 1.
4. ЦАНО. Ф. 2, оп. 4, д. 897.
5. ЦАНО. Ф. 2, оп. 4, д. 1488.
6. ЦАНО. Ф. 4, оп. 1-а, д. 1600.
7. ЦАНО. Ф. 61, оп. 216, д. 8.
8. ЦАНО. Ф. 829, оп. 676-а, д. 9.
9. ЦАНО. Ф. 829, оп. 676-а, д. 129.
10. ЦАНО. Ф. 1418, оп. 1, д. 3.
11. ЦАНО. Ф. 2152, оп. 1, д. 1.
12. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас: тип. Н. Доброхотова, 1911.

References

1. Komyagin Yu. Poltora veka nazad. *Arzamasskaya Pravda*, 1989, July 15; *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 2, inventory 4, the case 897; *Arzamas. Nizhegorodskie gubernskie vedomosti*, 1847. August 6.
2. *Opis delam Nizhegorodskogo namestnichestva...* Deystviya NGUAK. Nizhny Novgorod, 1898, vol. 3.
3. Tugan-Baranovskiy M. *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem*. Moscow, 1926, vol. 1.
4. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 2, inventory 4, the case 897.
5. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 2, inventory 4, the case 1488.
6. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 4, inventory 1-a, the case 1600
7. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 61, inventory 216, the case 8.
8. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 829, inventory 676-a, the case 9.
9. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 829, inventory 676-a, the case 129.
10. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 1418, inventory 1, the case 3.
11. *Central Archive of the Nizhny Novgorod region*, the fund 2152, inventory 1, the case 1.
12. Shchegolkov N. M. *Istoricheskie svedeniya o gorode Arzamase*. Arzamas, N. Dobrohotova Publ., 1911.

ПЕРСИДСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кулаков Владимир Олегович, кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, jahondor@mail.ru

В Волжском понизовье Великая Евразийская степь при встрече с великой рекой с давних времен породила интенсивные контакты многочисленных народов на геополитических, геоэкономических и этноконфессиональных коммуникационных рубежах. Нижняя Волга – уникальный узел природных, социально-экономических и других коммуникаций в многомерном пространстве Евразии. С того момента, как русским государством была осознана эта уникальность положения региона, он постепенно превращается во фронтирную территорию России, где вырабатываются новые формы межкультурного взаимодействия разных этносов. Одним из этих этносов уже на протяжении нескольких столетий являются персы, в течении долгого времени державшие в своих руках нити прикаспийской и транзитной торговли по линии Север – Юг. Они оставили заметный след в кросскультурной среде Нижней Волги и продолжают играть важную роль в ней и на современном этапе.

Ключевые слова: фронтир, Нижняя Волга, межкультурные коммуникации, персы, взаимовосприятие, торговля, культурный пласт

PERSIAN COMPONENTS IN THE LOWER VOLGA FRONTIER: PAST AND PRESENT

Kulakov Vladimir O., Ph.D. (History), Astrakhan State University, 20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, jahondor@mail.ru

In the Volga Delta Great Eurasian Steppe during the meeting with the great river from ancient times spawned numerous intensive contacts of peoples to geopolitical, geo-economic and ethno-religious communication lines. Lower Volga – a unique concentration of natural, economic social and other communications in multidimensional space of Eurasia. From the moment, when Russian State was recognized this uniqueness of the region, it gradually turns into territory of frontier of Russia, where produced new forms of cross-

cultural interaction of different ethnic groups. One of them for the past several centuries are Persians, for a long time held in their own hands the threads of the Caspian and the transit trade between North and South. They left an imprint on the cross-cultural environment of the Lower Volga region and continue to play an important role in it, and at the present stage.

Keywords: frontier, Lower Volga, intercultural Communications, Persians, mutual acceptance, trade, cultural stratum

Регион Нижней Волги с момента своего вхождения в состав России довольно быстро стал отправной точкой распространения российских интересов в Прикаспии. С течением времени он в полной мере приобретает статус своеобразной контактной зоны, в которой находит взаимодействие друг с другом пришлое и коренное население. В этом случае актуально использовать по отношению к данной территории термин «фронтир», которым традиционно обозначают точки соприкосновения двух и более разных по своему происхождению и развитию культур. Применительно к Северному Прикаспию этот термин приобретает не только географическое, территориальное значение, но и темпоральное, поскольку процессы смещения различных культур и народов, проходящие здесь на протяжении столетий не закончены до сих пор. Одним из таких процессов является проникновение и развитие в нижеволжском фронтуре элементов персидского влияния и культуры.

В период, когда Волжско-Каспийский путь на Восток был основным, Астрахани уделялось существенное, а в отдельные периоды первостепенное внимание в осуществлении связей с Ираном. Город был также важнейшим стратегическим пунктом для распространения российского влияния в регионе. Упоминания о первом сотрудничестве Персии и Астрахани можно почерпнуть из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «В 14 в. Сарай был уже крупнейшим городом на Волге, где жили разные народы: монголы, асы (аланы), кипчаки, черкесы, русские и византийцы. Купцы же и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и других мест живут в особом участке» [6, с. 180]. То есть, уже во времена Золотой Орды персы прочно обосновались в её столице Сарай-Бату, находящейся на территории нынешней Астраханской области.

С началом русского владычества на Нижней Волге выходцы из Персии никуда не исчезли. Об этом можно судить хотя бы по заметке Дон-Хуана Персидского, прошедшего в составе персидского посольства через Астрахань в 1599 г.: «В Астрахани 5000 жителей. Все дома их деревянные, только крепость, очень сильная, где живёт главный начальник, выстроена из камня; стены её значительной высоты и толщины. Она охраняется весьма бдительно множеством ратников, и доступ в неё можно получить только по особому разрешению ... собственно татары бродят по полям, как бедуины, и только христиане-москвиты населяют застроенные места ... Сюда съезжается множество купцов из Московии, Армении, Персии и Турции. Главный предмет его торговли – соль» [15, с. 405].

«Персы» (под которыми в источниках понимались гилянцы, собственно персы, азербайджанцы и другие народности Персидской державы), главным образом купцы, стали появляться в русской Астрахани почти сразу после ее основания в 1558 г. О русско-персидской торговле и персидских купцах в Астрахани писали Энтони Дженкинсон, Кристофе Бэрроу, Дон Хуан Персидский. Желая облегчить задачу контроля над восточными купцами, местные власти отвели для приезжих торговцев особые места. Так, видимо в конце XVI в. или в первой четверти XVII в. возникли первые астраханские гостинные дворы: Гилянский и Бухарский. На Гилянском дворе останавливались купцы из Ирана и Закавказья. На основе этого двора в Астрахани и сложилась персидская диаспора [8]. Посетивший в 1636 г. Астрахань немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий сообщает: «В городе проживают русские, персияне, индейцы, и все они имеют там свои собственные торговые площади ... Все эти народы ведут всякого рода товарами значительную торговлю» [7, с. 212].

В царствование Алексея Михайловича торговля с Персией приняла большие размеры для того времени. В это время на торговой арене Астрахани появляются армяне, забравшие в свои руки всю ее внешнюю торговлю. В 1664 г. персидский шах Аббас II усилил торговые отношения с Россией и дал исключительные привилегии русским купцам. Через три года шах просил у России позволить особой армянской кампании, состоящей из персидских подданных, производить торг шелком-сырцом через Россию. Разрешение было получено, и при этом русские брали на себя охрану провозимых товаров за особую плату. Главным товаром, привозимым в то время из Персии, был шелк-сырец, торговля которым передается в руки армян, образовавших в 1667 г. Джульфинскую торговую компанию [1, с. 144].

Доказательством того, что фронтальная среда, сложившаяся в Астрахани, была в достаточной степени привлекательной для живших здесь персов, является тот факт, что многие из приезжающих сюда персов принимают русское подданство, так как им здесь было свободнее, чем на родине. Или же просто из желания избежать дела со своими консулами здесь, которые не стеснялись не только их грабить, но и «сечь по пяткам и надевать на них колодки при вымогательстве денег. Прежде это случалось сплошь и рядом, теперь реже, потому что в настоящее время консулы стеснены в произволе им предоставляется право только наблюдать за торговыми интересами персидских подданных, а во всех остальных отношениях эти последние подчиняются нашим гражданским законам» [2, с. 536].

На первых этапах межкультурного взаимодействия в рамках нижеволжской фронтальной территории случались и некоторые исторические казусы. В Астрахани в начале XVII в. произошел случай приведший к ухудшению отношений между Ираном и Россией. Бывая неоднократно в Московском государстве, Булат-Бек (посол Ирана на тот момент) не мог не знать, что ловчие птицы являлись заповедным товаром, и для вывоза их в Иран требовалось специальное разрешение Посольского приказа. Булат-Бек же, решив выслужиться перед шахом, страстным любителем охоты с ловчими птицами самовольно купил на базаре ястреба. Астраханский воевода А. Д. Хованский, узнав об этом, расторг сделку, а продавца посадил в тюрьму. Однако данного инцидента было достаточно для того, чтобы по приезду в Иран Булат-Бек до-

ложил шаху о плохом обращении русских с членами посольства, о том, что их в Астрахани обворовали, что не замедлило сказаться на русско-иранских отношениях [2, с. 517].

В такой контактной зоне, которой стал регион Нижней Волги, не могло не сложиться взаимовосприятие пришлого и коренного населения по линии: Свой-Чужой. В нашем случае восприятие русскими персов носило во многом пренебрежительный характер. Зачастую это было ответом и на соответствующее отношение к себе с их стороны: « Хотя астраханские персы по необходимости делают некоторые уступки нам из своих обычаев, но все же считают нас христиан «поганными». Без сомнения, им неудобно применять здесь подобное требование религиозной брезгливости: если неверный дотронется до его одежды, он должен вырезать опоганенный кусок или бросить все платье. Обмануть убить христианина для него ничего не значит: стоит только сделать лишний раз намаз – и ему все простится, без сомнения не в пределах России» [10, с. 204].

«Объясните мне, – обратился я к собеседнику, – почему у всех этих персов такой изнуренный вид, почему у них такое скотское, отталкивающее выражение лиц? – Потому что нравственное чутье у перса затерто чуть ли не с колыбели, чувство чести отсутствует в нем. Всмотритесь в вот эту мумию, что стоит лицом к нам; в его апатии отражается вредное влияние опиума, который дается сперва младенцу, чтобы он не кричал, и к которому тот до того привыкает, что не растает с ним до гроба» [10, с. 205].

Часть персов женились на местных татарках, что привело к появлению смешанного потомства, известного как « татары Гилянского двора». Эти татары перешли в суннитский ислам и имели свою мечеть. В источниках XIX в. они уже считались частью татарского населения города. Таким образом, персидские купцы принимали русское подданство, женились, заводили в Астрахани семьи, принося в нашу культуру восточные мотивы. Из многоотсычного мусульманского населения Астрахани, имевшего здесь 17 мечетей, персы исповедовали ислам шиитского направления и жили достаточно замкнуто. По свидетельству астраханского медика Ф. М. Ольдекопа, персы составляли вторую (после татар) часть мусульманского населения Астрахани [13, с. 650]. У персов-шиитов была своя каменная мечеть, построенная на средства персидского общества в 1860 г.

Наиболее ярким «персидским следом» в истории Астрахани было отмечание персами Ашуры. Ашура (от араб. ашура – «десятидневие»), или Шахсей-Вахсей (произв. от характерных возгласов участников «Шах Хусейн! Вай Хусейн!») – главная дата шиитского религиозного календаря, дни поминовения и траурных мистериальных торжеств в память об имаме ал-Хусейне ибн Али, сыне четвертого «праведного» халифа Али ибн Абу Талиба. Хусейн, главный шиитский мученик, был убит 10 мухаррама 61 г. х. (10 октября 680 г. от Р. Х.) в столкновении с войсками халифа Йазиды близ Кербелы. В течение первых десяти дней месяца мухаррам устраиваются мистерии, инсценирующие историю гибели Хусейна, торжественные чтения сказаний о нем, а 10 мухаррама происходит шествие-плач по Хусейну, сопровождающееся кровавыми самоистязаниями участников процессии. Ашура в Астрахани отмечалась персами более-менее регулярно. Отмечание персами Ашуры продолжалось и после установления советской власти в Астрахани. В то время как в Азербайджане и среднеазиатских республиках этот «праздник» был запрещен, в Астрахани он проводился в 1924 г., 1929 г. и др. [12, с. 36].

Зримым свидетельством сложившегося персидского культурного пласта в Астрахани стали соответствующие памятники архитектуры. Одним из них была персидская мечеть. «Персидская мечеть – это довольно красивое и не старое здание с минаретами. Внутренность его оригинальна, но не изящна, плохо украшена. Коридоры темные, мрачные, низкие. Мечеть интересно посетить во время богослужения, но для этого лучше всего переговорить предварительно с муллою или членами совета, управляющими делами мечети. Среди них есть развитой, с некоторым европейским образованием – Аджи Усейнов. С просьбой об осмотре мечети и помещении богослужения можно, в крайнем случае, обратиться к персидскому консулу. При посещении мечети требуется соблюдать персидский этикет – снимать сапоги. В противном случае дальше порога пройти неудобно, да и не следует, дабы не возмущать персиян» [16, с. 94]. В 1939 г. Персидская мечеть была закрыта. Её помещение было передано под цех швейной фабрики. Главный объем бывшей мечети сохранился до нашего времени и располагается на улице Кирова, 40. Здание сильно подпорчено перестройками.

Не менее колоритным зданием является сохранившееся Персидское торговое подворье. Оно представляет собой сооружение из четырех двухэтажных корпусов XVIII в., образующих постройку типа каре. Два здания, выходящие на улицы Советскую и Чернышевского, завершаются мезонинами. Комнаты под мезонином, выходящие на юг, служили персидским купцам помещением для молитвы. Позже, в XIX в., для этих целей была специально возведена мечеть, сохранившаяся с небольшими перестройками до настоящего времени на углу улиц Кирова и Епишина. Для персидского торгового подворья, как и для других зданий XVII–XIX вв., характерно слияние архитектуры Запада и Востока. Прежде всего, это получило отражение в планировке, решениях уличных и дворовых фасадов. В основе планировки астраханских торговых подворий лежит идея средневекового караван-сарая – со всех сторон замкнутого квадратного или прямоугольного сооружения с одними воротами, ведущими во внутренний двор. Внутри, вдоль стен, на первом этаже и в подвалах, располагались складские помещения для товаров, конюшни, хозяйственные помещения. Второй этаж здания, как правило, был жилым. Такая планировка позволяла быстро превратить караван-сарай в крепость в случае нападения разбойников или во время общественных беспорядков. Если стены подворья, выходящие на улицы, имеют ритмический ряд оконных проемов и декоративное убранство, типичные для стиля классицизма, то дворовые фасады несут на себе заметный отпечаток восточной архитектуры. Опоясывающие здания двухъярусные галереи украшают аркады – ряды полуциркульных арок.

Дом Персидского подворья, по сообщению А. Н. Шталько в конце XIX в. звался в народе «Усейновским» домом, так как тоже принадлежал богачу Усейнову, как и здание бывшего индийского подворья: «от дома губернатора и до реального училища, по обе стороны улицы тянутся персидские Караван-Сараи.

Существующие в этой части Московской (Екатерининской улицы) персидские лавки придают ей и теперь оригинальный вид, главным образом, благодаря особой манере персов украшать свои лавки гирляндами из винограда, разных фруктов, а так же из красного стручкового перца, джемьянок и прочей зелени, пирамидами из яблок, груш, лимонов, помаранцев; на окнах сплошь и рядом видны необыкновенной величины арбузы, дыни, тыквы. Вечером персы ярко освещают свои магазины и лавченки лампами, чаще всего с рефлекторами, отражающими свет на красивые группы из фруктов и персидских изделий. Поэтому персидские лавки и носят оригинальный колорит. С правой стороны улица кончается огромнейшим персидским Караван-Сараем, или как его называют в Астрахани « Усейновским домом». Если пройтись по галереям этого дома – то можно отлично понять, что такое персидский Караван-Сарай и отчасти разглядеть персов в их домашней обстановке» [16, с. 98].

В нижеволожском фронтире находили свое отражение и контакты по линии межгосударственных отношений России и Персии. Астрахань выступала в роли транзитного пункта на пути следования представителей шахского престола к императорскому двору и обратно. Причем именно власти Астрахани были уполномочены контролировать путь таких миссий и обеспечивать их безопасность и комфорт. Так, в 1736 г. в Персии произошло важное событие – умер малолетний шах Аббас III и на собранном курултае новым правителем был избран Надир, являвшийся регентом при Аббасе, который именно с этого времени стал официально именовать себя шахом. В связи с этим событием в Санкт-Петербург был отправлен посланник Мигра Али Бек с извещением о смене власти в Персии [1, с. 117].

Когда эта задача была им выполнена, Али Бек со своей свитой возвращался обратно из столицы в Москву и оттуда в Царицын. Причем на всем протяжении пути его сопровождал капитан астраханского гарнизона Петр Микулин с 17 драгунами, о чем он получил отдельную инструкцию из Коллегии иностранных дел. В августе 1736 г. губернатору И. Измайлову был направлен указ императрицы Анны Иоанновны подписанный генералом Минихом, о том, что по прибытии посланника в Астрахань его нужно будет принять с надлежащим почтением и « отправить из Астрахани без задержания водой на добрых морских судах до которого места надлежит» [4, л. 41]. То есть именно на астраханское руководство ложилась задача обеспечения транспортом до Персии миссии посланника. Кроме того, в указе также предписывалось и материально обеспечить Али Бека, ежели тех денег, которые ему были даны в Москве не хватит: «кормовые деньги ему даны на август-октябрь, но ежели он задержится в пути до Астрахани более трех месяцев, то Вам выдать ему кормовых денег на сколько времени потребно по 10 рублей на день» [4, л. 43]. В упомянутой инструкции сопровождающему посланника П. Микулину, которая, как и указ губернатору, сохранилась в астраханском архиве, говорится о том, что в пути к Али Беку следует относиться с максимальным почтением, охранять и сберечь его свиту. Кроме того, от капитана требовалось максимально быстро доставить посланника в Астрахань, поскольку « обоих государств интересы того требуют, чтобы он нынешней осенью непременно мог море Каспийское переехать и ко двору Шахова Величества вскоре прибыть». Следовательно, возвращение бежавших в Астрахань персидских подданных свидетельствовало о строгом соблюдении принятой российской империей стратегии на поддержание мирных отношений с Персией и стремлении России честно выполнять условия заключенных договоров.

Занимая выгодное стратегическое положение на Каспийском море, именно через Астрахань к царскому двору в Петербург отправлялись из Персии посольства и дипломатические миссии, одним из представителей которых был персидский посол Исмаил-бек, в судьбе которого этот город сыграл далеко не последнюю роль. Ко времени окончания военной кампании 1723 г. Петр I уже находился в Петербурге, поэтому, пробыв некоторое время в Астрахани, Исмаил-бек отправился в российскую столицу на аудиенцию к императору. Там 12 сентября был заключен трактат между Россией и Персией, по которому последняя уступала России свои северные провинции [14, с. 140].

После этого вплоть до своей смерти он прожил в Астрахани, получая из российской казны пенсию. Астраханский губернатор И. П. Измайлов лично контролировал весь процесс перевода его сюда из Дербента, находясь в постоянной переписке по этому поводу с Государственной Коллегией иностранных дел с одной стороны и командующим персидским корпусом в Гиляне генерал-майором В. Я. Левашовым и комендантом Дербента генералом А. Б. Бутурлиным с другой [5, л. 5]. В октябре 1731 г. И. Измайлов получил донесение от генерала В. Левашова, в котором тот извещал его, что по императорскому указу отправил на казенных судах бывшего персидского посла Исмаил-бека из Гиляна в Дербент. Однако вскоре получил от него письмо, в котором посол просит перевести его дальше в Астрахань «для перемены воздуха, поскольку он слаб здоровьем». Поэтому поводу был выслан соответствующий ордер коменданту Дербента А. Бутурлину [9, с. 57–71].

Также В. Левашов просит астраханского губернатора содержать Исмаил-бека государственным жалованьем в тех же размерах, какие были установлены ему в Гиляне, то есть: «надлежит ему кормовых денег давать на месяц по 300 рублей и по три батмана табаку кальянного, да на 2 месяца соли по рогоже, дров в неделю 24 коромысла» [5, л. 7]. В Гиляне к персидскому послу был приставлен почетный караул, сопровождавший его, а каждый выезд и въезд в город отмечался пушечной стрельбой, однако в Астрахани до поступления прямого указа императрицы так поступать, по мнению Левашова, не стоило. Через полгода, как свидетельствует письмо генерала Бутурлина Измайлову, Исмаил-бек был направлен из Дербента в Астрахань в сопровождении команды солдат из 15 человек под начальством капитана Трусова. Они, по видимому, были не последние люди при коменданте, поскольку тот просит при первой возможности отправить их к нему обратно. Это свидетельствует об особой важности порученной им миссии и большом значении, которое придавало российское руководство жизни и безопасности Исмаил-бека.

Что касается вопроса обеспечения его в Астрахани жалованьем и всем необходимым, то губернатор Измайлов предлагал осуществлять её из средств комиссии Низового корпуса, которая здесь находилась. Государственная Коллегия иностранных дел в соответствии с данным предложением И. Измайлова направила указ генера-

лу Левашову, чтобы он выделил нужную сумму из расходов на корпус. В случае же если требуемых денег в комиссии не найдется, то, как был извещен губернатор указом Коллегии от 2 декабря 1731 г.: «надлежащую на Исмаил-бека сумму он [Левашов] присылал Вам в Астрахань из доходов персидских наших провинций и надлежит Вам из тех денег послужить в бытность его в Астрахани дачу производить» [5, л. 12].

В связи с возвращением Исмаил-бека необходимо отметить еще одну важную деталь, характеризующую языковой аспект развития межкультурных коммуникаций в нижневолжском фронтире. В ведении астраханской губернской канцелярии находились дела по обеспечению переводчиками персидского языка тех или иных дипломатических миссий, либо отправка их для работы в города Кавказа, являвшиеся опорными базами России на границе с Персией. Одними из первых в 1726 г. были присланы из Астрахани в Дербент в качестве переводчиков несколько казанских татар. Но по прошествии нескольких лет А. Бутурлин просит астраханского губернатора заменить состарившегося толмача Аят Евдашева, которого он отправляет обратно в Астрахань вместе с бывшим послом Исмаил-беком, на: «другого к толмачеству способного» [5, л. 14]. Следует сказать, что деятельности астраханских властей по определению переводчиков персидского языка придавалось большое значение на самом высшем уровне. Так для решения вопроса о замене переводчика в Дербенте судьей татарских и калмыцких дел в губернской канцелярии Астрахани Федору Черкесову уже через неделю после обращения А. Бутурлина к И. Измайлову был написан императорский указ. В нем от судьи требовалось максимально быстро найти замену толмачу и доложить об этом в Государственную Коллегию иностранных дел [5, л. 15].

Проблема наличия грамотных переводчиков стала одним из факторов полноценного развития межкультурного взаимодействия с персами в рамках фронтальной территории Нижней Волги, в частности, и Прикаспия в целом. Уже в 1789 г. через год после основания в Астрахани Главного Народного училища в нем началось преподавание персидского языка директором Агафи. После его смерти это начинание было временно приостановлено, но в 1809 г. было вновь восстановлено уже в стенах мужской гимназии, открывшейся 29 июля 1806 г. на базе Главного народного училища. Первым (!) учителем персидского языка был Мирза Абдулла Визирев, сын персидского мазандаранского визиря. Визирев обучался в Персии персидской грамоте и был секретарем при хане Муртаза Кулихане. На русскую службу учителем персидского языка в Астраханской Гимназии Визирев поступил в 1811 г. и в 1816 г. получил от Казанского университета благодарность за показанные учениками очень хорошие успехи в персидском языке [11, с. 40].

Тот факт, что и сегодня, спустя 200 лет, в Астрахани ведется обучение персидскому языку как на школьном уровне (Астраханская лингвистическая гимназия), так и на университетском (Астраханский Государственный Университет), говорит о том, что регион продолжает оставаться тесной «границной» зоной двух культур – русской и персидской.

Список литературы

1. Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне / РАН Ин-т востоковед. СПб филиал. СПб.: [б. и.], 1996. 232 с.
2. Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / ред. Н. И. Веселовский. СПб.: Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. Т. 3. Царствование Федоровича (продолжение). 1898. 731 с.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394, оп. 1, д. 5.
4. ГААО. Ф. 394, оп. 1, д. 6.
5. ГААО. Ф. 394, оп. 1, д. 262.
6. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: соврем. версия: в 16 т. М.: Эксмо, 2004. Т. 13. С. 205–255.
7. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках / сост. В. Алексеев. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. 327 с.
8. Карабущенко П. Л. Астраханское царство: воеводская власть и местное сообщество XVI–XVII веков. Астрахань, 2008. 505 с.
9. Карабущенко П. Л. Астраханская губерния и ее губернаторы в свете культурно-исторических традиций XVIII–XIX столетий. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 361 с.
10. Огородников П. И. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. 2-е изд. СПб.: Тип. М. И. Попова, 1878. 334 с.
11. Остроумов Тихон. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 г. Астрахань, 1914. 846 с.
12. Сызранов А. В. Этносы и этнические группы Астраханской области. Астрахань: ОмЦ НК, 2008. 72 с.
13. Ольдекоп Ф. М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшие окрестности // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. 844 с.
14. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях / сост. С. И. Сычев, В. К. Волков. М.: МИД СССР, 1946. 216 с.
15. Хуан Персидский. Записки Дона Хуана Персидского: [Краткая истории Персии и описание путешествия в Испанию] // Каспийский транзит. М., 1996. Т. 1. С. 394–449. (Утверждение ислама).
16. Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань / рис. А. Малаховского. Изд. пересмотр., доп. Астрахань: Волга, 2008. 141 с.

References

1. Bronevskiy S. M. *Istoricheskie vypiski o snosheniyakh Rossii s Persiey, Gruzieyu i voobshche s gorskimi narodami, v Kavkaze obitayushchimi, so vremen Ivana Vasilevicha donyne*. St. Petersburg, 1996, 232 p.
2. Veselovskiy N. I. *Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snosheniy Moskovskoy Rusi s Persiey*. Ed. by N. I. Veselovskiy. St. Petersburg: Leshtukovskaya Parovaya Skoropechatnya P. O. Yablonskago Publ., 1890, vol. 3 "Tsarstvovanie Fedorovicha (prodolzhenie)", 1898. 731 s.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoj oblasti (GAAO). F. 394, op. 1, d. 5.
4. *State Archive of the Astrakhan region*, the fund 394, inventory 1, the case 6.
5. *State Archive of the Astrakhan region*, the fund 394, inventory 1, the case 262.
6. *Ilyustrirovannyi entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Yefrona: sovrem. versiya*: in 16 vol. Moscow, Eksmo Publ., 2004, vol. 13, pp. 205–255.
7. Alekseev V. *Istoricheskie puteshestviya. Izvlecheniya iz memuarov i zapisok inostrannykh i russkikh puteshestvennikov po Volge v XV–XVIII vekakh*. Stalingrad, Kraevoe knigoizdatelstvo Publ., 1936, 327 p.
8. Karabushchenko P. L. *Astrakhanskoe tsarstvo: voevodskaya vlast i mestnoe soobshchestvo XVII–XVII vekov*. Astrakhan, 2008, 505 p.
9. Karabushchenko P. L. *Astrakhanskaya guberniya i ee gubernatory v svete kulturno-istoricheskikh traditsiy XVIII–XIX stoletiy*. Astrakhan, Astrakhan State University, 2011, 361 p.
10. Ogorodnikov P. I. *Na puti v Persiyu i prikaspijskie provintsii ee*. St. Petersburg, M. I. Popov Publ., 1878, 2nd ed., 334 p.
11. Ostroumov Tikhon. *Istoricheskiy ocherk Astrakhanskoj 1-y muzhskoy gimnazii za vremya s 1806 po 1914 g.* Astrakhan, 1914, 846 p.
12. Syzranov A. V. *Etnosy i etnicheskie gruppy Astrakhanskoj oblasti*. Astrakhan, OMTs NK Publ., 2008, 72 p.
13. Oldekop F. M. *Mediko-topografiya goroda Astrakhani i ego blizhayschie okrestnosti. Mediko-topograficheskiy sbornik*. St. Petersburg, 1870, 844 p.
14. Sychev S. I., Volkov V. K. *Sovetsko-iranskie otnosheniya v dogovorakh, konventsiyakh i soglasheniyakh*. Moscow, MID SSSR Publ., 1946, 216 p.
15. Khuana Persidskiy. *Zapiski Dona Khuana Persidskogo: [Kratkaya istorii Persii i opisaniye puteshestviya v Ispaniyu]*. *Kaspiyskiy tranzit*. Moscow, 1996, vol. 1, pp. 394–449. (Utverzheniye islama).
16. Shtylko A. N. *Ilyustrirovannaya Astrakhan*. Astrakhan, Volga Publ., 2008, 141 p.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ «АСТРАХАНСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Поротикова Любовь Николаевна, учитель, Раздорская средняя общеобразовательная школа им. губернатора А. П. Гужвина, Российская Федерация, 416310, Астраханская обл., Камызякский р-н, с. Раздор, ул. Степная, 33, E-mail: porotikoval@mail.ru

В современной России церковь принимает всё более активное участие в общественно-политической, социокультурной жизни страны. Православная религия переосмысливается не только с учётом современных реалий и потребностей общества и государства, но и на основе обязанностей церкви, традиционно закрепляемых за ней. В статье рассматриваются государственные функции приходского духовенства в Синодальный период на примере духовенства Астраханской епархии. В качестве источника исследования используются «Астраханские епархиальные ведомости».

Ключевые слова: православие, приходское духовенство, причт, Синодальный период, «Епархиальные ведомости», метрические книги, миссионерская деятельность, церковно-приходские школы

STATE THE RESPONSIBILITIES OF THE PARISH CLERGY OF THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY ON THE MATERIALS OF "ASTRAKHAN DIOCESAN GAZETTE"

Porotikova Lubov N., Teacher, Razdorskaya secondary school them. Governor A. P. Guzhvina, 33 Stepnaya Str., v. Razdor, Kamyzyaksky district, Astrakhan region, 416310, Russian Federation, E-mail: porotikoval@mail.ru

In modern Russia the Church was taking an increasingly active part in the socio-political, socio-cultural life of the country. The Orthodox religion is being rethought, not only taking into account the modern realities and needs of society and state, but based on the responsibilities of the Church that are traditionally assigned to her. The article deals with public functions of the parish clergy in the Synodal period in the example of the clergy of the Diocese of Astrakhan. As the source studies used "Astrakhan diocesan news".

Keywords: Orthodoxy, parish clergy, the Synodal period, "Diocesan Bulletin", registers of births, missionary activity, parochial school

С первых десятилетий XVIII и до 1917 гг. отношения православной церкви и государства претерпели значительные трансформации по сравнению с предыдущим, патриаршим, периодом. Церковные преобразования Петра I преследовали несколько задач при единой общей цели – полного подчинения Церкви светской власти. К таким задачам отечественный исследователь В. А. Фёдоров относит включение всей церковной организации в государственную структуру, лишение экономической самостоятельности и создание условий для материальной зависимости